
ЛИНГВИСТИКА

Оригинальная статья

УДК 81'255.2

<https://doi.org/10.26907/2541-7738.2025.1.81-93>

Передача речевого портрета подростка как проблема перевода

Е.А. Бармина, О.Г. Скидан ✉, Н.А. Местанко

Севастопольский государственный университет, г. Севастополь, 299053, Россия

✉ skidan_ua@mail.ru

Аннотация

В статье проанализированы средства, формирующие речевой портрет подростка в современном англоязычном художественном тексте, в контексте их перевода на русский язык. В результате анализа текста оригинального романа Киран Миллвуд Харгрейв «Джулия и акула» выделены ключевые маркеры речевого портрета персонажа-подростка как отражение его языковой картины мира. Сопоставительный анализ текста оригинала и его перевода, выполненного Н. Калошиной, показал, что в последнем происходит дополнительное выдвигание ключевых маркеров речевого портрета персонажа, что объясняется ориентацией перевода на более старшую по возрасту целевую аудиторию. Стилизация речи подростка 12 лет и старше требует учета психолингвистических особенностей обозначенной возрастной группы. Сделан вывод о том, что при определении необходимой степени адаптации речевого портрета персонажа-подростка переводчик также ориентируется на тот образ современного подростка, который сложился в российской лингвокультурной среде.

Ключевые слова: речевой портрет, языковая картина мира, маркер, перевод, подростковая литература, Киран Миллвуд Харгрейв, «Джулия и акула»

Для цитирования: Бармина Е.А., Скидан О.Г., Местанко Н.А. Передача речевого портрета подростка как проблема перевода // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. 2025. Т. 167, кн. 1. С. 81–93. <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2025.1.81-93>.

Original article

<https://doi.org/10.26907/2541-7738.2025.1.81-93>

Rendering a teenager's language portrait as a translation problem

E.A. Barmina, O.G. Skidan , N.A. Mestanko

Sevastopol State University, Sevastopol, Russia

 skidan_ua@mail.ru

Abstract

This article explores a linguistic repertoire that shapes the language portrait of a teenager in contemporary English fiction, particularly in the context of its translation into Russian. Through the analysis of Kiran Millwood Hargrave's novel "Julia and the Shark," featuring a teenager as the main character, key linguistic markers of a fictionalized teenager's speech were identified and studied as reflecting their linguistic worldview: conversational and expressive tone, linguistic creativity, metaphorical inner speech, and detailed descriptions of the surroundings. The original text was compared with its Russian translation by N. Kaloshina, revealing that the latter, being targeted at an older audience, additionally emphasizes the specifics of the main character's language. Therefore, in order to render the speech of a teenager aged 12 years and above, it is important to have a proper understanding of the psycholinguistic features of this age group. While determining the extent to which the language portrait of a teenage character should be adapted, the Russian translator is guided by the image of a teenager in the contemporary Russian linguocultural environment.

Keywords: language portrait, linguistic worldview, marker, translation, young adult literature, Kiran Millwood Hargrave, "Julia and the Shark"

For citation: Barmina E.A., Skidan O.G., Mestanko N.A. Rendering a teenager's language portrait as a translation problem. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2025, vol. 167, no. 1, pp. 81–93. <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2025.1.81-93>. (In Russian)

Введение

Антропоцентрическая парадигма в лингвистике, благодаря которой фокус исследований сместился с чисто формальных языковых явлений в сторону изучения языка как антропологического феномена, позволила значительно расширить границы исследовательского поля. Особое внимание уделяется одному из центральных терминов – «языковой личности», теоретическая и практическая значимость изучения которой является неоспоримой. Исследования различных аспектов формирования языковой личности не только не теряют актуальности, но и постоянно расширяют спектр своих задач благодаря междисциплинарному синтезу.

В фокусе настоящей статьи находится языковая личность подростка, наблюдаемая через актуализацию его речевого портрета в тексте подросткового романа. Несмотря на растущую популярность книг с маркировкой 12+, этот пласт современной подростковой литературы, как написанной на русском языке, так и переводной, является относитель-

но новым и неизученным материалом в рамках российской литературоведческой и лингвистической традиций. Следует отметить, что работ, посвященных анализу языковых средств, создающих модель языковой личности подростка в современной подростковой литературе, крайне мало [1–4].

Интерес к современной подростковой литературе обусловлен наличием в ней большого количества примет современности: авторы не стремятся стилизовать или идеализировать подростковый опыт, отражают реальность прямо и открыто. Исследователи отмечают, что в изображении образа ребенка в литературе и СМИ произошли значительные изменения, продиктованные новыми условиями, например дискриминацией, вынужденной миграцией [5, р. 267–270]. Прослеживается и актуализация совершенно нового типа взаимоотношений с родителями, который, по словам В.Н. Горенинцевой, не коррелирует с известными, наработанными литературой моделями: например европейским «романом воспитания», моделями «счастливого детства», «украденного детства» и др. [6, с. 177]. Современные авторы, скорее, предлагают подростку различные художественные версии современной реальности, строят диалог с читателем о системе взаимодействия с ней в новых условиях сегодняшнего дня. В основу художественного отображения подростка все чаще ложатся реальные жизненные проявления, а базой для образа становится сама жизнь. Авторы стремятся изобразить героев предельно реалистично, в том числе в их речевом поведении.

Одним из таких авторов является современная британская писательница, лауреат престижных премий – Киран Миллвуд Харгрейв. Ее книги пользуются популярностью в связи с многоаспектностью поднимаемых в них проблем, актуальных для сегодняшнего времени. В романе «Джулия и акула» автор умело вписывает традиционные проблемы становления личности и самоидентификации подростка в экологическую повестку. Кроме того, анализируемое произведение ставит перед переводчиком непростую задачу репрезентации образа подростка в условиях дисфункциональной семьи, что, несомненно, накладывает отпечаток на его речевой портрет и требует адекватной реализации при переводе. Созданный автором образ должен вписываться в реалии, существующие в рамках культуры языка перевода, что предполагает адаптацию исходных данных в соответствии со спецификой речевого поведения подростков в лингвокультурной среде этого языка. Однако степень и пределы подобной адаптации не являются константой. Ключевая роль в выборе стратегии трансляции образа на язык перевода принадлежит переводчику. Именно гибкий подход к адаптации позволяет ему создать текст, гармонично вписывающийся в так называемую экосреду, под которой известный китайский лингвист и переводчик Ху Гэншэнь предлагает понимать «мир исходного текста, исходного и переводного языков, подразумеваемая языковой, коммуникативный, культурный и социальный аспекты перевода, а также автора, заказчика и читателей» [7, р. 284].

Целью настоящего исследования является выявление ключевых маркеров речевого портрета языковой личности подростка в качестве опоры для проведения предпереводческого анализа, обуславливающего выбор приемов адаптации исходного текста, обеспечивающих достоверность речевого портрета подростка в языке перевода. Таким образом, основная интенция авторов статьи соотнесена с практической деятельностью переводчика, что обуславливает **актуальность** настоящего исследования, направленного на углубление понимания проблемы выбора языковых средств, обеспечивающих достоверную репрезентацию речевого портрета персонажа в контексте художественного перевода.

Материалы и методы

В качестве **материала** исследования выбраны роман К.М. Харгрейв “Julia and the Shark” (2021), главной героиней которого является десятилетняя девочка Джулия, а также его перевод на русский язык («Джулия и акула»), выполненный в 2023 г. Натальей Калошиной, чьи работы как переводчика детских книг отмечены не только премией «Мастер» (2018), но и премией им. К.И. Чуковского (2020). Необходимо отметить, что возрастной рейтинг оригинального произведения – 10+, а переводного – 12+, что связано с разными подходами к маркировке литературных произведений в соответствии с возрастными ограничениями в Великобритании и России. По Федеральному закону от 29 декабря 2010 г. № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» наличие в книге описания болезни матери не позволяет поместить ее в более раннюю возрастную группу. Таким образом, целевая аудитория переводной версии несколько старше, чем оригинальной, что позволяет выдвинуть **гипотезу** о необходимости адаптации речевого портрета главного персонажа-подростка в переводе с целью повышения реалистичности при восприятии его потенциальным читателем. Реалистичность восприятия обеспечивается благодаря учету особенностей картины мира подростка в возрасте 12 лет и старше.

Объектом исследования выступает речевой портрет подростка как экспонента языковой личности персонажа художественного текста, **предметом** – маркеры речевого поведения персонажа-подростка в англоязычном художественном тексте, обусловленные особенностями картины мира данной возрастной группы, в аспекте адекватности их воссоздания в переводе на русский язык.

Главной тенденцией в языковом оформлении современных текстов для подростков является создание соответствующего образу подростка речевого портрета. В нашем исследовании мы поддерживаем тезис о том, что «персонаж художественного произведения может рассматриваться в качестве модели реальной языковой личности со всеми присущими ей характеристиками» [3, с. 161]. Соответственно, при реконструкции речевого портрета необходимо задействовать данные различных антропологических наук. Например, применение данных психолингвистики позволяет сделать более продуктивным предпереводческий анализ, направленный на определение ключевых маркеров речевого портрета психически нездорового персонажа художественного текста для последующей их репрезентации в переводе [8, с. 60].

Известно, что реконструкция речевого портрета, представляющего собой «актуализацию языковой личности» [9], осуществляется посредством фиксации особенностей речевого поведения исследуемой личности, наблюдаемых на различных уровнях языка (фонографическом, лексико-грамматическом, синтаксическом, прагматическом). В контексте вопросов, поднимаемых в настоящем исследовании, считаем целесообразным утверждать, что при изучении речевого портрета персонажа-подростка необходимо прежде всего рассмотреть его в аспекте самой личности подростка, об особенностях возрастных изменений и процессе становления которой известно благодаря достижениям в сфере психологии и психолингвистики.

Подросток является носителем специфической концептуальной картины мира, включая языковую, которая обусловлена его знаниями о мире, опытом, интересами, что, в свою очередь, непосредственно связано с репрезентируемой возрастной группой. Большинство психологов сходятся во мнении, что картина мира представляет собой целостное, динамическое образование психики, рассматриваемое в единстве трех компонентов: образа Я, образа Другого и обобщенного образа предметного мира. Последний формируется на основе освоения научной картины мира и содержания определенной культуры [10, с. 104].

«Обращенность вовне» весьма ярко характеризует именно подростковый возраст [11, с. 16]. Речь младших подростков как неустойчивая динамическая структура обладает признаками лингвокреативности, связанной с эмоциональным восприятием мира и экспрессивной составляющей [12, с. 13; 13].

Результаты исследований Д.И. Фельдштейна подтверждают, что одной из доминантных потребностей у детей в 9–10-летнем возрасте (возраст героини в анализируемом художественном тексте) можно считать потребность в «признании другими» [14, с. 12], что объясняет использование сленговых единиц при общении со сверстниками (идентификационная функция сленга).

Выделение «личностнозначимых смыслов и ценностей» [11, с. 17] является основой формирования у названной возрастной категории образа «Я». Ключевым элементом «Я-образа» выступает так называемый «значимый взрослый», рассматриваемый как частный случай термина «значимый другой»: под ним американский социолог Г.С. Салливан понимает «человека, мнение которого ценно для индивида с точки зрения влияния на поведение последнего, развитие его личности и выбор ценностных ориентаций» [15, с. 165]. В большинстве случаев в качестве «значимого другого» выступает родитель. Отождествляя себя сначала с одним из родителей, чаще с матерью, ребенок репродуцирует его поведение, мысли, чувства. Доказано, что в младшем подростковом возрасте основными компонентами картины мира являются дом и семья.

Наличие в семье факторов дисфункциональности в различной степени влияет на всех ее участников, но особенно – на детей и подростков. Например, нежелательные качества матери: повышенная эмоциональность, гиперопека, ребячество, чрезмерная щепетильность, инфантилизм и т. п. – могут стать источником психической травматизации личности ребенка, что может отразиться на его речевом поведении (речевая агрессия).

В исследуемом художественном тексте героиня-подросток оказывается под влиянием биполярного расстройства своей матери, морского биолога, фанатично поглощенного исследовательским проектом – поисками гренландской акулы. Это накладывает отпечаток на формирование ее картины мира, что находит отражение в речевом портрете. Проведенное исследование показало, что ключевыми маркерами речевого портрета героини являются лингвокреативность; разговорный характер и экспрессивность речи; метафоричность (чаще реализуемая в тексте в форме снов героини, эффективного средства раскрытия психологического состояния персонажа); детальное описание предметного мира, что говорит об освоении научной картины мира под влиянием значимого взрослого (матери-ученого). Рассмотрим примеры текстового воплощения указанных маркеров речевого портрета героини-подростка и приемы их адаптации в переводе на русский язык.

Лингвокреативность речи

Обозначенный речевой маркер проявляется в активном словотворчестве героини Джулии, что подразумевает создание новых слов с помощью продуктивных способов словообразования английского языка. В переводном тексте данный маркер воспроизводится за счет богатого разнообразия экспрессивных словообразовательных средств русского языка. С их помощью переводчик добавляет эмоциональную глубину, благодаря чему реконструируемый образ подростка воспринимается более реалистично, не теряя при этом своей уникальности:

“There was a clatter and Dad did a swear, immediately followed by, ‘Sorry! 50 p!’ which is meant to mean he puts 50 p in a swear jar that I get to keep, but my parents stopped actually

putting money in the jar when I made £32.50 last summer, and Mum said I was profiteering” (J. & S., p. 26) / «Тут рядом оглушительно **затрещало**, папа **прорычал** что-то нехорошее, и сразу: «Извиняюсь! Пятьдесят пенсов», это означало, что за бранное слово он как бы кладет пятьдесят пенсов в их с мамой **бранную банку**, в просторечии **бранебанку**. А я как бы **банкир** этой банки. Но на самом деле они перестали класть туда деньги еще в прошлом году, когда я заработала за лето тридцать два фунта пятьдесят пенсов и мама сказала, что я *наживаюсь на собственных родителях*» (Д. и А., с. 45).

Креативность речи героини проявляется в использовании выдуманного слова *swear jar*, что в совокупности со сложным синтаксисом высказывания и единицей уничижительной семантики (*profiteer*) создает эффект ироничности. В переводе применен прием внешнего членения, что обеспечило более естественную синтаксическую структуру текста, генерируемого русскоговорящим подростком. Наряду с калькированием авторского неологизма (*бранная банка*) переводчик вводит выдуманное слово – *бранебанка*, имеющее разговорно-юмористический характер. Это помогает создать яркий и живой образ героини, понять особенности отношений внутри семьи. Добавление в переводе лингвистической игры слов *банка – банкир* способствует эмфатизации речи героини, поддерживает ее ироничный тон. Повышение степени экспрессивности текста перевода обусловлено и трансформацией вербализации с использованием глаголов экспрессивной семантики (*затрещало, прорычал*).

Умение Джулии реагировать с иронией на некоторые нелепые ситуации наблюдается и в следующем фрагменте, в котором при помощи продуктивной словообразовательной модели английского языка она метафорически описывает внешний вид матери, надевшей желтые свитер, штаны и дождевик, из-за чего она стала похожа на банан:

*“But I was a little less excited about meeting our new neighbours accompanied by a **human-sized fruit**”* (J. & S., p. 28) / «А вот меня почему-то не радовало, что я еду знакомиться с нашими новыми соседями в компании **человекобанана**» (Д. и А., с. 48).

В переводе языковая игра адаптирована под русскоязычного получателя. Использование экспрессивного словообразовательного средства, контаминации, в данном контексте придает ситуации юмористическую нотку. Кроме того, в данном фрагменте наблюдается зависимость подростка от мнения окружающих. Джулию волнует нелепый внешний вид матери: это может сформировать о ней нелестное мнение окружающих. В переводе эмоциональность передается также за счет преобразования структуры предложения и введения усилительной частицы *вот* и наречия *почему-то*.

Лингвокреативность персонажа наблюдается в переводе даже в тех фрагментах, в которых она не представлена в оригинале, что может свидетельствовать о стремлении переводчика четче прорисовать портрет подростка, вовлекая читателя в языковую игру:

“I could tell Dad was trying to put on a brave face for me, but I could also tell that he was worried. I was a little, too. Actually, I was a lot” (J. & S., p. 101) / «Папа, конечно, изо всех сил старался показать мне, что всё в порядке, но на самом деле тревожился, я это видела. И я тоже **немножко** тревожилась. Или **множко**» (Д. и А., с. 158).

Эмоциональное напряжение героев передается в оригинале за счет параллелизма и идиоматичности. В переводе мы наблюдаем компенсацию эмотивности оригинала за счет средств экспрессивного словообразования (опущения приставки *не* в слове *немножко*). Подобные просторечия не только добавляют эмоциональную окраску, но и создают более реалистичный образ подростка, который максимально откровенен с читателем.

Когда психическое состояние мамы Джулии сильно ухудшилось, Джулия начала винить в этом себя, ведь она перестала верить в нее и в то, что она найдет гренландскую акулу:

“I’d become like Dad, looking at the numbers” (J. & S., p. 112) / «Я стала как папа, я думаю **по-папски** – числами» (Д. и А., с. 176).

В оригинале автор использует нейтральное сравнение *like Dad*. Переводчик сохраняет семантику сравнения, но усиливает эффект с помощью экспрессивного словообразования префиксально-суффиксальным способом. Разговорно-просторечная форма *по-папски* в данном контексте добавляет эмоциональный оттенок и позволяет подчеркнуть изменение в мышлении и поведении подростка. Героиня переживает внутренний конфликт, обусловленный сложными взаимоотношениями со значимым взрослым. Экспрессивное словообразование помогает передать сложные эмоции и внутреннюю борьбу девочки, делая образ более глубоким и эмоционально насыщенным.

Разговорный характер и экспрессивность речи

Подростковый сленг представляет собой уникальное языковое явление. Он характеризуется не только специфическим употреблением слов и выражений, отличных от общепринятого языка, но также яркими эмоциональными оттенками и особым стилистическим оформлением. Он представляет значительный интерес для лингвистических исследований и является важной составляющей молодежной культуры.

Следует обратить внимание на то, что как в оригинале, так и в тексте перевода авторы чаще всего обращаются к использованию сленга в ситуациях, когда Джулия находится в обществе ровесников. Вероятнее всего, делается это для того, чтобы передать некую неуверенность девочки, ее желание казаться «своей среди чужих». Использование молодежной лексики придает девочке смелости и решительности:

“To be fair it must be disappointing”. I felt powerful, staring at him on the cliff in the dark, his face very pale, his eyelid fluttering. I pulled the thread further out. “To have such a loser for a son”” (J. & S., p. 124) / «– Но, честно, ее можно понять... – Теперь я чувствовала себя сильной, в темноте у подножия утеса его лицо казалось страшно бледным, одно веко дергалось. Так, и **еще раз за ту же ниточку**: – Ей же достался не сын, а **лузер несчастный**» (Д. и А., с. 192).

Джулия задевает больную для обидчика тему – тему того, что мать его бросила. Девочка использует достаточно оскорбительное выражение *to have such a loser for a son*, подчеркивая свое презрение к собеседнику. Речевая агрессия проявляется как ответ на необходимость постоять за себя и своих близких. Н. Калошина использует заимствованное сленговое слово *лузер*, а также добавляет эпитет *несчастный*, что усиливает оскорбление. Использование идиомы в оригинале *to pull the thread* показывает, что Джулия говорит это все намеренно, прекрасно понимая эффект от сказанного. Н. Калошина сохраняет этот эффект, переводя идиому методом калькирования *еще раз за эту же ниточку*.

В целом, в переводе наблюдается повышение экспрессивности за счет использования большего количества разговорных единиц, чтобы стилизовать речь героини, сделать ее более схожей с молодежной, ярче и живее передать эмоции, испытываемые девочкой, а также транслировать черты ее характера.

На первых страницах романа «Джулия и акула» главная героиня немного рассказывает нам о том, чем закончится данная история и подмечает следующее:

“Don’t worry though, that doesn’t spoil the ending” (J. & S., p. 2) / «Но не волнуйтесь – даже если это и **спойлер**, он не испортит конец» (Д. и А., с. 7).

Интересно, что при переводе Н. Калошина использует грамматическую трансформацию, заменяя глагол *to spoil* существительным *спойлер*, относящимся к современному сленгу, который широко используется среди молодежи.

Одним из маркеров разговорного стиля в оригинале является сокращенная форма глагола *to be*. В русском переводе данный маркер передан другими средствами:

“They change according to whose mouth they’re coming out of. Sometimes they change so much in mine they become something else entirely, but Dad says these are called lies” (J. & S., p. 5) / «И слова все время меняются – смотря из чьего рта вылетели. Если из моего, то иногда они так меняются, что превращаются в что-то совсем другое, и папа тогда говорит: **ну это уже вранье**» (Д. и А., с. 11).

Для стилизации речи подростка переводчик умело задействует лексический и синтаксический уровни. Чередование различных типов предложений и введение элементов разговорного стиля (*ну, вранье*) способствует естественности и легкости восприятия текста, а также достоверной реализации речевого портрета подростка в переводе.

Потенциал синтаксиса и пунктуации русского языка позволяют емко расставить в переводе нужные акценты и эксплицировать логику героини:

“Two things. Right and wrong. True and false. Where’s the space in that?” (J. & S., p. 5) / «С двумя, из двух. **Правильно – неправильно. Правда – неправда. Ну и куда тут втиснуть секретную комнату?**» (Д. и А., с. 11).

Экспрессивная конкретизация (*space – секретная комната, Where’s – втиснуть*) способствует эмфатизации речи подростка в тексте перевода. Кроме того, переводчик, вероятно, задействует потенциал аллюзии на произведения из серии книг про Гарри Поттера Дж. Роулинг, что в силу их популярности на российском рынке можно рассматривать как дополнительный маркер лингвокреативности персонажа в русском переводе. Необходимо отметить, что эмфатизация речи за счет лингвистической игры является одним из ключевых элементов переводческого метода Натальи Калошиной при работе над данным произведением, что может свидетельствовать о намеренном включении названных элементов с целью создания достоверного образа подростка, соответствующего ожиданиям в принимающей лингвокультурной среде.

Метафоричность внутренней речи

Переживания героини по поводу состояния матери находят отражение в ее внутренних монологах, наполненных тревожными метафорическими ассоциациями. В связи с биполярным расстройством матери забота, любовь и ответственность воплощаются для героини больше в образе отца. Отсюда аллюзия на историю Красной Шапочки, поведение матери которой, скорее, воплощает «архетип безответственного родителя» [16]. Метафорическое представление мира матери, где слова имеют огромное значение, через образ леса, в котором заблудилась Красная Шапочка, говорит о смятении героини: *“I’m getting tangled. ...each word has so many branches, so many roots, if you’re not sure of the route you can get lost like Little Red Riding Hood in the wood”* (J. & S., p. 6–7). В контексте описания непроходимого леса происходит двойная актуализация причастия *tangled*, что также находит отражение в переводе: «Я в них запутываюсь. ...от каждого слова будто тянутся ветви, корни, они такие длинные и их так много, что, если не знаешь точно, куда тебе нужно, можно в них заблудиться, как Красная Шапочка в лесу» (Д. и А., с. 14). В переводе данного фрагмента осуществлена экспрессивно-прагматическая конкретизация для более детального описания

образа средствами русского языка (вводится сравнительный элемент *будто*, у корней и ветвей появляется дополнительная характеристика *длинные*).

Интерес для анализа представляют введенные в повествование сны, которые представляют собой внутренний монолог героини и описывают ее переживания. Тревожные онирические формы в романе глубоко символичны и метафоричны, передают психоэмоциональное состояние героини:

“The bed was a boat, and the sheets turned to foam under my fingers. The whole room was rocking, and above me the roof was gone, replaced with lightning lashing the low, thick clouds, long tongues of fire furling and unfurling, tracing veins of burning silver – but silent. It raged and raged without a sound” (J. & S., p. 10) / «Кровать была лодкой, простыни под моими пальцами становились пеной. Комната раскачивалась и кренилась, потолок исчез, теперь наверху полыхали молнии, **огненные языки выстреливали нитями горящего серебра**, пронзая низкие тучи, – в полной тишине. Все кругом **бурлило и клокотало** без единого звука» (Д. и А., с. 14).

Шторм в одном из снов героини описывается при помощи использования аллитерированных глаголов *rock* и *rage*. В переводе отсутствие аллитерации компенсируется введением синонимов, способствующих более детальному и достоверному описанию ситуации (*раскачивалась и кренилась*; *бурлило и клокотало*). Тревожное состояние усиливается благодаря использованию в переводе военной метафоры – *огненные языки выстреливали нитями горящего серебра* – в качестве соответствия для более нейтральных *furl* и *trace*, передающих конкретные действия. Замена части причастий на глаголы также добавляет динамичности картине.

Наличие причастных оборотов является одной из характерных черт описания снов героини, в которых данные конструкции выступают тревожным фоном. В тексте перевода тревожность реализуется при помощи использования глаголов с соответствующей семантикой. Таким образом, замена позволяет переводчику сделать повествование более динамичным и достоверным для русскоязычного получателя. Кроме того, в целом можно говорить об усилении метафоричности при описании снов в переводе: *“Their feathers became rubbery and scarred, their beaks became barnacles”* (J. & S., p. 76) / «Их перья **резинились**, рубцевались, **клювы сворачивались створками ракушек**» (Д. и А., с. 120); *“The walls were moving. They bulged, and pulsed...”* (J. & S., p. 87) – «Стены **дрожали**, **пучились**, **колыхались...**» (Д. и А., с. 130).

Детальное описание предметного мира

Данный речевой маркер, реализуемый в тексте за счет использования терминологических единиц и географических названий, говорит об освоении героиней научной картины мира под влиянием значимого взрослого (матери-ученого). В переводе маркер более ярко выражен за счет использования приема конкретизации: *bad chemicals* (J. & S., p. 5) – *вредные вещества* (Д. и А., с. 12), *some kind of plastic* (J. & S., p. 5) – *пластиковый мусор* (Д. и А., с. 12), *turtles with plastic up their noses* (J. & S., p. 5) – *морская черепаха, и у нее в носу застряла пластиковая трубка от сока* (Д. и А., с. 12), *so much higher up the world* (J. & S., p. 25) – *гораздо ближе к Северному полюсу* (Д. и А., с. 43), *the Pacific Ocean is wider than the Moon* (J. & S., p. 42) – *у Тихого океана площадь поверхности больше, чем у Луны* (Д. и А., с. 69).

Дневник или иные записи персонажа позволяют погрузиться в его мысли, эмоции и переживания, помогают понять его внутренний мир и мотивацию. Джулия ведет записную книжку, в которую, подражая маме, вносит факты лишь о море. Однако в финале романа

девочка все же решается записывать в книжку и другие факты. Она принимает мамину болезнь, проходит этап осознания и принятия травматического опыта. Становление личности подростка отражает фраза *I took hold of the notebook and opened it to a clean page* (J. & S., с. 188), в которой описываются действия, имеющие символическое значение. Перевод *Я открыла чистую страницу* (Д. и А., с. 276) является отсылкой к фразе «с чистого листа». Таким образом, адекватно передается готовность героини к поиску самостоятельного пути в жизни без постоянной оглядки на мнение значимого взрослого.

Заключение

В силу важности подростковой литературы и поднимаемых в ней проблем для становления личности подростка, его социализации, а также по причине роста популярности иностранной литературы указанного жанра актуальным является выработка стратегий и тактик адекватного воспроизведения в переводном тексте речевого портрета персонажа-подростка как способа репрезентации его языковой личности, что требует учета не только чисто лингвистических аспектов, но и психологической, когнитивной, поведенческой и эмоциональной составляющих коммуникативного поведения подростков.

Для достоверной репрезентации образа подростка необходима детальная проработка его речевого портрета. Чрезмерная стереотипизация в таком случае может привести к неприятию произведения его непосредственной целевой аудиторией. Подростки склонны к категоричности суждений, оспариванию авторитета старших. Чтобы завоевать доверие таких читателей, автор должен не только поднимать интересующие их темы, но и говорить на понятном для них языке. Те же требования предъявляются и к переводу. Только в данном случае переводчику приходится также учитывать возрастную разницу целевой аудитории оригинала и перевода. Стилизация речи подростка 12 лет и старше требует ориентации на психолингвистические особенности этой возрастной группы. Поэтому в процессе перевода происходит дополнительное выдвигание ключевых маркеров речевого портрета персонажа (лингвокреативности, разговорного характера и экспрессивности речи, метафоричности, детального описания предметного мира), намеченных автором оригинала на начальном этапе их формирования, как проявление дальнейшего развития и усложнения языковой картины мира подростка.

Таким образом, в ходе исследования нашла подтверждение выдвинутая гипотеза о необходимости учета психолингвистического фактора при определении степени адаптации речевого портрета персонажа-подростка при переводе.

Кроме того, при определении степени адаптации переводчик ориентируется на тот образ современного подростка, который сложился в российской лингвокультурной среде, в том числе под влиянием популярных отечественных произведений для детей. Важно отметить, что нейтрализация эмоциональности и разговорности речи при переводе с английского языка приводит к потере реалистичности изображения в силу наличия в русском языке закона экспрессивно-стилистического согласования.

Рассмотрение обозначенной проблемы открывает множество возможностей для дальнейшего исследования особой картины мира, носителями которой являются подростки, в различных языковых сообществах.

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest. The authors declare no conflicts of interest.

Источники

- Д. и А. – *Харгрейв К.М.* Джулия и акула / Пер. с англ. Н. Калошиной. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2023. 299 с.
- J. & S. – *Hargrave K.M.* Julia and the Shark. London: Orion, 2021. 192 p.

Литература

1. *Щитова Н.Г.* Лексико-семантические особенности речи английских подростков (на материале романа Джулии Дарлинг “The Taxi Driver’s Daughter”) // Вестн. ВГУ. Сер.: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2012. № 2. С. 120–124.
2. *Кораблева Н.Ю.* Соблюдение особенностей идиолекта литературных персонажей в переводе: грамматический аспект // Вестн. МГЛУ. Гуманит. науки. 2018. № 5 (795). С. 164–174.
3. *Грунина Е.О., Шаклеин В.М.* Текстовая языковая личность ребенка в современном художественном произведении // Cuadernos De Rusística Española. 2021. № 17. С. 149–164. <https://doi.org/10.30827/cre.v17.21950>.
4. *Кривченко И.Б., Савина И.В.* Речевой портрет подростка в художественном произведении эпистолярного жанра (на материале романа Стивена Чбоски “The Perks of Being a Wallflower”) // Crede Experto: транспорт, общество, образование, язык. 2022. № 3. С. 111–124. https://doi.org/10.51955/2312-1327_2022_3_11.
5. *Khan U., Saltmarsh S.* Childhood in literature, media and popular culture // Global Studies of Childhood. 2011. V. 1, No 4. P. 267–270. <https://doi.org/10.2304/gsch.2011.1.4.267>.
6. *Горенинцева В.Н., Губайдуллина А.Н.* Новая модель «значимого взрослого» во внутрисемейных отношениях (по материалам современной российской прозы для детей и подростков) // Вестн. Том. гос. ун-та. Филология. 2017. № 50. С. 176–187. <https://doi.org/10.17223/19986645/50/11>.
7. *Gengshen H.* Translation as adaptation and selection // Perspectives: Studies in Translatology. 2003. V. 11, No 4. P. 283–291. <https://doi.org/10.1080/0907676X.2003.9961481>.
8. *Бармина Е.А., Скидан О.Г.* Речевой портрет психически нездорового персонажа как проблема перевода // Научный диалог. 2023. Т. 12, № 8. С. 47–64. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2023-12-8-47-64>.
9. *Леорда С.В.* Речевой портрет современного студента: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2006. 19 с.
10. *Медведев Д.А.* Психологическая концепция вербального отражения действительности // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. 2006. № 17. С. 102–113.
11. *Александрова Е.А., Кривошеина Е.С.* Структура формирования картины мира подростков // Сибирский педагогический журнал. 2015. № 6. С. 15–19.
12. *Добря М.Я.* Динамизм и лингвокреативность детской речи // Международный научно-исследовательский журнал. 2013. № 7 (14). С. 13–14. URL: <https://research-journal.org/archive/7-14-2013-july/dynamism-and-linguistic-creativity-of-childrens-speech>, свободный.
13. *Лебедев Г.А., Шавкун Н.С., Корин С.* Лингвокреативность как определяющая черта лингвистической специфики детской речи (на материале немецкого языка) // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2022. № 1. С. 106–116. URL: <https://philjournal.ru/upload/2022-1/106-116.pdf>, свободный. <https://doi.org/10.29025/2079-6021-2022-1-106-116>.
14. *Фельдштейн Д.И.* Мир Детства в современном мире (проблемы и задачи исследования). М.: Изд-во Моск. психолого-социального ун-та; Воронеж: МОДЭК, 2013. 335 с.
15. *Салливан Г.С.* Интерперсональная теория в психиатрии. СПб.: Ювента, 1999. 347 с.
16. *Зелезинская Н.С.* Архетип безответственного родителя в англоязычном подростково-молодежном романе XXI века // Вестн. Перм. ун-та. Российская и зарубежная филология. 2022. Т. 14, № 3. С. 95–105. <https://doi.org/10.17072/2073-6681-2022-3-95-105>.

References

1. Shchitova N.G. Lexical and semantic features of teenager speech in English (a case study of Julia Darling’s novel “The Taxi Driver’s Daughter”). *Vestnik VGU. Seriya: Lingvistika i Mezhkul’turnaya Kommunikatsiya*, 2012, no. 2, pp. 120–124. (In Russian)

2. Korableva N.Yu. Rendering idiolectal features of literary characters in translation: A grammatical aspect. *Vestnik MGLU. Gumanitarnye Nauki*, 2018, no. 5 (795), pp. 164–174. (In Russian)
3. Grunina E.O., Shaklein V.M. A child's textual linguistic identity in contemporary fiction. *Cuadernos De Rusística Española*, 2021, no. 17, pp. 149–164. <https://doi.org/10.30827/cre.v17.21950>. (In Russian)
4. Krivchenko I.B., Savina I.V. Language portrait of a teenager in epistolary fiction (a case study of Stephen Chbosky's novel "The Perks of Being a Wallflower"). *Crede Experto: Transport, Obshchestvo, Obrazovanie, Yazyk*, 2022, no. 3, pp. 111–124. (In Russian)
5. Khan U., Saltmarsh S. Childhood in literature, media and popular culture. *Global Studies of Childhood*, 2011, vol. 1, no. 4, pp. 267–270. <https://doi.org/10.2304/gsch.2011.1.4.267>.
6. Gorenintseva V.N., Gubaidullina A.N. A new "significant adult" model in family relations (an analysis of contemporary Russian fiction for children and teenagers). *Vestnik Tomskogo Gosudarstvennogo Universiteta. Filologiya*, 2017, no. 50, pp. 176–187. (In Russian)
7. Gengshen. H. Translation as *adaptation* and *selection*. *Perspectives: Studies in Translatology*, 2003, vol. 11, no. 4, pp. 283–291. <https://doi.org/10.1080/0907676X.2003.9961481>.
8. Barmina E.A., Skidan O.G. Speech portrait of a mentally unhealthy character as a translation problem. *Novyi Dialog*, 2023, vol. 12, no. 8, pp. 47–64. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2023-12-8-47-64>. (In Russian)
9. Leorda S.V. Language portrait of a modern student. *Extended Abstract of Cand. Sci. (Philology) Diss.* Saratov, 2006. 19 p. (In Russian)
10. Medvedev D.A. A psychological concept of verbal representation of reality. *Izvestiya RGPU imeni A.I. Gertsena*, 2006, no. 17, pp. 102–113. (In Russian)
11. Aleksandrova E.A., Krivosheina E.S. Structural development of teenagers' worldview. *Sibirskii Pedagogicheskii Zhurnal*, 2015, no. 6, pp. 15–19. (In Russian)
12. Dobrya M.Ya. Dynamism and linguistic creativity of children's speech. *Mezhdunarodnyi Nauchno-Issledovatel'skii Zhurnal*, 2013, no. 7 (14), pp. 13–14. (In Russian)
13. Lebedenko G.A., Shavkun N.S., Korin S. Linguistic creativity as a defining linguistic feature of children's speech (a study based on the German language). *Aktual'nye Problemy Filologii i Pedagogicheskoi Lingvistiki*, 2022, no. 1, pp. 106–116. URL: <https://philjournal.ru/upload/2022-1/106-116.pdf>. <https://doi.org/10.29025/2079-6021-2022-1-106-116>. (In Russian)
14. Feldshtein D.I. *Mir Detstva v sovremennom mire (problemy i zadachi issledovaniya)* [The World of Childhood in the Contemporary World (Research Problems and Prospects)]. Moscow, Izd. Mosk. Psikhol.-Sots. Univ.; Voronezh, MODEK, 2013. 35 p. (In Russian)
15. Sullivan H.S. *Interpersonal'naya teoriya v psikiatrii* [The Interpersonal Theory of Psychiatry]. St. Petersburg, Yuventa, 1999. 347 p. (In Russian)
16. Zelezinskaya N.S. Irresponsible parent archetype in the 21st-century English fiction for teenagers and young adults. *Vestnik Permskogo Universiteta. Rossiiskaya i Zarubezhnaya Filologiya*, 2022, vol. 14, no. 3, pp. 95–105. <https://doi.org/10.17072/2073-6681-2022-3-95-105>. (In Russian)

Информация об авторах

Бармина Евгения Александровна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры «Теория и практика перевода и зарубежная филология», Севастопольский государственный университет

E-mail: mar.indigo@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8255-401X>

Скидан Ольга Геннадьевна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры «Теория и практика перевода и зарубежная филология», Севастопольский государственный университет

E-mail: skidan_ua@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3231-1965>

Местанко Наталья Анатольевна, старший преподаватель кафедры «Теория и практика перевода и зарубежная филология», Севастопольский государственный университет

E-mail: nat.mestanko@yandex.ru

Author Information

Evgeniia A. Barmina, Cand. Sci. (Philology), Associate Professor, Department of Translation Theory and Practice and Foreign Philology, Sevastopol State University

E-mail: mar.indigo@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8255-401X>

Olga G. Skidan, Cand. Sci. (Philology), Associate Professor, Department of Translation Theory and Practice and Foreign Philology, Sevastopol State University

E-mail: skidan_ua@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3231-1965>

Natal'ya A. Mestanko, Senior Lecturer, Department of Translation Theory and Practice and Foreign Philology, Sevastopol State University

E-mail: nat.mestanko@yandex.ru

Поступила в редакцию 10.09.2024

Принята к публикации 10.12.2024

Received September 10, 2024

Accepted December 10, 2024